

Дики адьгского прошло

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 23 (59)

(Продолжение. Начало см. в выпуске 22 (58)).

Предположим, господа, что не 10 черкесов, а 2-3 полка пересекли границу. Вероятность этого существует. Разве ведомство начальника окружного управления сочло бы нужным для их обезоруживания мобилизовать единственный эскадрон драгун в Иноврацлаве, или стал бы их командир, который для обезоруживания 10-ти черкесов позвал на помощь пехотную роту, начинать бой с этими тремя полками? Мы думаем, вряд ли. Там, где такое поведение запрещает благоразумие, здесь требует христианский долг и гуманность, да и сам закон. Ведомство должно было доложить вышестоящей судебной инстанции, что нужно просить инструкцию правил поведения. Это могло обеспечить безопасность для общественного спокойствия. Черкесы сами явились в органы власти. Они сами просили, чтобы их отправили в Иноврацлав в сопровождении одного жандарма и последовали за ним, как этот человек сам говорит, спокойно и доверчиво как дети.

Черкесы сказали начальнику окружного управления, что они ничего так страстно не желают, как поступить на военную службу в армию Его Величества. Если своеобразные обстоятельства, при которых произошел переход черкесов, не позволили представителю ведомства затребовать инструкции, прежде чем прибегать к крайним средствам, то только намерение черкесов служить Пруссии, на мой взгляд, возложило на него такую обязанность. Но он этого не сделал. Он позвал на помощь военных. С этого момента посредничество и примирение уже невозможны. Их вытесняет насилие. Посмотрим, в каком духе он толкует свою миссию.

Слова задеванного лица являются лучшим комментарием его поступков; господин фон Илов говорит, что начальник окружного управления сказал ему, что будет трудно обезоружить черкесов — о чем он его просил; поэтому он хотел бы задержать людей на такой срок, пока он не отдаст необходимые распоряжения для принятия насильственных мер.

Через 3/4 часа он послал к начальнику окружного управления сообщение о том, что он готов, что можно посылать людей.

Господа! Я вижу в этих словах господина фон Илова откровенное признание в том, что он был заинтересован не в том, чтобы сломить возможное сопротивление черкесов в процессе конфискации оружия и применить силу лишь тогда, когда последует сопротивление, а в том, чтобы тотчас же, без церемоний, атаковать черкесов. Последствия этого поступка являются печальным подтверждением правдивости этого суждения.

Ведомство начальника окружного управления добросовестно последовало совету господина фон Илова. С черкесами велись переговоры, хотя уже давно было решено применить насильственные действия. Им обещали предоставить расположение на частной квартире. Но вместо этого их доставили в казарму.

тех, кто намеревался их расстрелять, не предшествовало, полностью доказано. Правда, к ним был обращен призыв, сдать оружие и стоять смиренно, но они по своим заверениям не поняли ни оклика «оружие», ни «стой». Их показаниям, безусловно, нужно поверить, они в течение всего следствия проявили себя как открытые правдолюбивые люди, показали главную добродетель своего племени. Поэтому не может быть речи ни о каком насильственном сопротивлении представителям власти. Свой побег, вообще все, что произошло в момент, когда раздались выстрелы военных, они совершили в твердом убеждении, что это посягательство на их жизнь, что их хотят убить. Они никогда не были нападающими, оказывающими насильственное сопротивление,

вечным клеймом французского имени. И все же это злодеяние выглядит на фоне того, что здесь произошло, еще не столь подло, так как французы и арабы были на войне, в ходе которой жестокие действия учинялись с обеих сторон. Но, что же здесь дало право одному человеку совершить этот акт неслыханной жестокости по отношению к бедным беженцам, к несчастным преследуемым, которые словно гости сели у прусского очага?

Вы знаете, господа, что ущерб от этого пожара, который претерпели владельцы Крушлевице из-за превращения в золу их собственности, составляет почти 10 тысяч талеров, а правительство оспаривает всякое обязательство возмещения ущерба.

Оно указало несчастным

мыми, а теми черкесами, которые пребывают в таком же состоянии. Само обвинение с этим соглашается. А что касается ранений военных и гражданских лиц, то нет также и отдаленных доказательств, что эти ранения были причинены им подсудимыми. Подсудимые признаются, что они воспользовались огнестрельным и рубящим оружием. В таком случае надо доказать, что именно они нанесли ранения этим оружием. Но таких доказательств приведено не было. То же самое мы констатируем и в отношении их участия в этом преступлении.

Обращает на себя внимание тот факт, что обвинение хочет использовать §73 уголовного права. Но не представлено даже намеков на доказательства, которые заставили бы сделать вывод о состоявшемся предварительномговоре с целью совершения преступления, в котором их обвиняют. §71 и §72 также не подходят. Обвинение также и отдаленно не объяснило, что один из обвиняемых при состоявшихся убийствах и ранениях проявил такое действительное участие, что без него преступление не могло бы осуществиться, или же его участие принесло облегчение в действиях и подкрепление всей группе.

Но для крайнего случая, господа, я утверждаю, что ни убийства, ни ранения не могут быть вменены в вину подсудимым, так как они были совершены в состоянии вынужденной обороны.

§518 уголовного права предписывает: «Вынужденная оборона против самоуправного насильственного действия имеет место лишь тогда, если помощь со стороны властей не может ни предотвратить оскорбления действием, ни снова восстановить прежнего состояния».

Насилие, совершённое по отношению к черкесам, было самоуправным действием. Командир эскадрона в Иноврацлаве имел задание обезоружить черкесов, поэтому он мог воспользоваться только такими средствами, которые имели отношение к достижению этой цели. В качестве первого целесообразного средства было задание своим подчиненным конфисковать у них оружие. Такого задания он им не давал. Поэтому оно и не было выполнено. Общеизвестно, что ни сам ротмистр, ни кто-то из его людей в действительности не приложил руку или не совершил прочих насильственных

Процесс против черкесов, перешедших из России на территорию Пруссии, обвиняемых в насильственном сопротивлении военным как представителям власти, заслушанный судом присяжных в Бромберге 20 января 1851 г.

Der Prozes gegen die aus Russland auf Preussisches Gebiet-ubergetretenen Tscherkessen wegen thatlichen Widerstandes gegen die bewaffnete Macht als Abgeordnete der Obrigkeit. Verhandelt vor dem Schwurgerichte zu Bromberg, am 20. Januar 1851.

Bromberg: L. Levit, 1851.

Из личной библиотеки Батирая Езбека (Едыдж). Перевод Л. Н. Фроловой. Редакция перевода и комментарии С. Х. Хотко.

Они отказались отправиться туда и остались стоять у ворот. Очевидный обман сделал их недоверчивыми. Они окончательно перестали доверять, когда увидели вооруженных драгун, стоящих во флангах и спереди. Их пронизательность почувствовала предательство. Они пытались отойти назад. Тут позади них раздались выстрелы из 10 карабинов. Никто не попадет в цель против воли того, кто дал команду стрелять, так как, по его собственному признанию, военачальник приказал: «Как следует целиться в черкесов».

Но его подчиненные не выполнили этого жестокого приказа, они были человечнее, чем их военачальник, они продолжали стрелять по верху голов черкесов. Вот, господа, вы видите, мое вышеупомянутое утверждение о том, что сначала атаковали военные, что никаких насильственных действий со стороны черкесов против

они были всего лишь преследуемыми беднягами. Происшествие в хуторском доме в Крушлевице — 3-й и последний акт этой кровавой драмы, к сожалению, это подтвердил. Вы знаете, господа, что черкесы во время побега бросились к хутору Крушлевице, чтобы там искать защиту от своих преследователей, что их там обстреляли, и что хутор по приказу военачальника был предан огню. То, чего не смогли сделать пули, должны были сделать огонь и дым. Одно только замечание. Когда в последнем бою французов в Алжире один французский полководец приказал направить огонь в пещеру, куда после битвы ушли несчастные арабы, чтобы, отчасти, задушить их дымом, а оставшихся выгнать из пещеры, то по всей цивилизованной Европе прокатился крик ужаса и отвращения. Сама французская пресса с трибуны назвала этот акт варварства

потерпевшим на тех, кто приказал поджечь дома. Производство дела последних, таким образом, разбирается. Но что должно выйти из гарантии сохранения собственности в государстве, если его органы уничтожают её под эгидой закона, и это государство затем отказывается возместить всякий ущерб? Разве полицейский чиновник, который для поимки преступника приказывает поджечь дом, в котором тот скрывается, из-за нарушения служебных обязанностей и из-за, минимум, неосторожного поджога не привлекается к следствию? Мы здесь не слышали о том, чтобы виновник этого деяния был привлечён к ответственности.

И в свете всех этих фактов, этим несчастным ставят в вину убийства и ранения, которые произошли во время их преследования. Полностью установлено, что оба убитых военных были умерщвлены не подсуди-

ПРОЦЕСС В БРОМБЕРГЕ

действий, чтобы конфисковать у черкесов оружие. Он, напротив, воспользовался средством, которое перешло все границы его полномочий – открыть огонь по черкесам, убивать их. Использовать его он мог, в крайнем случае, лишь тогда, если черкесы воспротивятся следующему средству, вызванному обстоятельствами, т.е. конфискации оружия, оказавшись силой. Если все средства для достижения этой цели исчерпаны.

Из этих фактов, господа, следует, я считаю, для ясности, что мероприятия военачальника не имели намерения достигнуть упомянутой цели, они были самоцелью. Если военачальник превысил свои полномочия, то применённое им насилие было самоуправным. Это уже следует из того, что его метод был полностью дезавуирован правительственным учреждением, так как иначе оно должно было платить за нанесение ущерба при пожаре. Если насилие было самоуправным, то черкесы тоже имели право ответить покушающимся на их жизнь таким же нападением. Черкесы поэтому и воспользовались только правом вынужденной обороны, которое санкционировано у всех народов мира. И это право они употребили самым щадящим образом. Вы сегодня слышали, что, если бы это было их намерением, то они могли бы число убитых и раненых увеличить в 6 раз. И это, господа, не бахвальство. Ружьё и кинжал черкеса никогда не промахиваются, всегда попадают в сердце противника, если они

хотят попасть в него. Но более того! Они показали, как они преодолевают самих себя, что вызывает настоящее восхищение. У них распространена кровная месть, та ужасная клятва мстить за души убитых товарищей смертью их убийц. Они видели как пали четверо их товарищей, а один из убитых был даже братом одного из оставшихся в живых и, тем не менее, они подавили в себе чувство мести. Они отбивались от своих противников лишь для того, чтобы не стать жертвами.

Я повторяю. Я подтвердил, что подсудимые не подчиняются прусским законам, что они невиновны ни в преступлении, заключающемся в оказании сопротивления вооружённому насилию, ни в последовавших при этом убийствах и ранениях, и что, если бы последнее было фактом, они действовали в целях вынужденной обороны и, таким образом, были бы безнаказанными. Настоящим доказана их полная невиновность. И всё же, в то время как я собираюсь заявить ходатайство об их невиновности, у меня бессильно опускаются руки, и я не могу вымолвить ни слова. Словно окаменевшая голова медузы смотрит на меня картельная конвенция об обмене военнопленными, её уставы оживают и мечут грома и молнии в мою сторону, гневаясь и призывая к выдаче беглецов. Но нет, это невозможно. Странные, трагические обстоятельства, при которых произошло правонарушение со стороны этих пришельцев, дают мне твёрдое

внутреннее убеждение, что восторжествует корона милосердия и воспользуется самым благородным из своих прав, правом помилования, и либо не допустит выдачи, либо добьётся полного помилования несчастных у российской короны. А если я ошибаюсь, если это не произойдет, то тогда пусть судьба этих несчастных падёт на голову тех, во власти которых она была, чтобы освободить их от бесчестия и жалкого состояния. Тогда пусть их поблекшие останки присоединятся к тем, кто уже пал жертвой того злополучного закона. Может быть, они послужат тем, кто стоит у руля истории Пруссии, предостережением, чтобы никогда больше они не продлевали сроки действия конвенции.

Я прошу объявить их невиновными.

Старший прокурор ничего существенного не ответил на эту речь.

Председатель скоро изложил ход и результаты судебного следствия и зачитал затем вопросы, на которые присяжные должны будут ответить. Число вопросов 48, они сводятся к следующим категориям:

1) Виновны ли подсудимые в том, что оказали насильственное сопротивление вооружённым силам – представителям власти при исполнении своих приказов или, что приняли непосредственное участие в этом неповиновении.

2) Происходит ли это неповиновение по предварительному сговору.

3) Оказывали ли подсуди-

мые, во время совершения убийств погибших солдат и нанесения ранений солдатам и гражданским лицам, помощь преступникам и способствовали ли этому.

Каждая из этих категорий затем применялась к каждому отдельному подсудимому.

Защитник попросил задать еще вопрос о том, находились ли подсудимые в состоянии вынужденной обороны, когда участвовали в упомянутых убийствах и нанесении ранений. Судебная палата отклонила этот дополнительный вопрос после предварительного совещания. Председатель передает присяжным вопросы, с чем они удаляются. После совещания, длившегося 1 1/3 часа, присяжные возвратились в зал заседаний. Избранный начальник, доктор Зигерт, поднимается и говорит: «Клянусь честью и совестью перед богом и людьми, хочу засвидетельствовать вердикт присяжных заседателей: Да! Обвиняемый Бакмирза Нафанов виновен в том, что оказал насильственное сопротивление вооружённым силам как представителям власти, при исполнении приказов и в том, что принял непосредственное участие в этом сопротивлении».

Тот же самый вердикт он огласил в отношении пяти подсудимых.

Все остальные вопросы, заявил председатель, присяжные отклонили. Прокуратура затем заявила ходатайство на основе §166 уголовного права приговорить каждого подсудимого к заключению в крепости сроком на 2 года, но в осталь-

ных преступлениях признать невиновными.

Защитник заявил, что наказание, связанное с лишением свободы сроком на 2 года, является в законе самым предельным, что он все же для собственного блага подсудимых присоединяется к ходатайству прокуратуры. Судебная палата провозгласила затем, после предшествующего совещания, следующий приговор:

«Учитывая § 166 и принимая во внимание то, что обстоятельства подсудимых, их достойное уважение безупречное поведение допускает необходимость определить наказание в виде заключения в крепости каждого из подсудимых, из-за оказания насильственного сопротивления вооружённым силам, представителям власти, при исполнении приказов, приговорить к 2 годам заключения в крепости, от обвинения в произошедших убийствах и нанесении ранений освободить».

Этот приговор был принят всеобщим удовлетворением. Подсудимые не скрывали глубокой радости, когда содержание приговора было переведено им, и их внимание было обращено на то, что наказание не позорно. Ничто их так сильно не пугало как признание их не виновными, так как тогда бы им предстояла выдача России, а это было бы для них, как они повторно заявили, хуже смерти.

ЧЕРКЕСИЯ И СЕФЕВИДСКИЙ ИРАН.
XVI-XVIII ВВ.

Одним из наименее изученных аспектов истории Черкесии являются ее отношения с Ираном. Такой авторитетный специалист по истории исламской цивилизации как Владимир Минорский отмечал по поводу кавказского присутствия: «Инфильтрация кавказцев в Персию – чрезвычайно важный феномен, который полностью изменил социальную основу правящих классов»¹.

Основатели Сефевидского государства и Черкесия. Джихад первых сефевидских шейхов против черкесов. Государственные масштабы деятельности духовного ордена Сефевидов приобрела при шейхе Джунейде, четвертом по счету представителе «династии» Сефи. В 1447 г. шейх Джунейд собрал порядка 10 тысяч мюридов в Ардабиле. Отсюда он выступил в Ширван с «намерением вести с черкесами войну за веру». До Черкесии он не дошел и погиб в Ширване на р. Самур². Яв-

ляется вопросом, собирался ли он вообще идти в Черкесию. Лозунги джихада могли быть не более чем прикрытием для истинных целей захвата власти в Иране. Без заявлений о намерении вести войну за веру шейху затруднительно было обосновать мобилизацию целой армии.

Сын Джунейда шейх Хайдар также в 1488 г. отправился «воевать с черкесами»³. Казалось бы, борец за веру отправился на передовой край и это должно было только приветствоваться светской властью. Тяготы войны на далеком Северном Кавказе, в зимнее время практически изолированном от Южного Кавказа могли только способствовать интересам правящих в Ширване и Иране династий. Они разом избавлялись от массы беспокойного элемента во главе с шейхами. Но оставался риск триумфального возвращения «борцов за веру». Это объясняет нам, почему войско ширваншаха ата-

ковало Хайдара в Табасаране. Как и отец, шейх Хайдар погибает в бою с ширванцами.

Старший сын Хайдара Султан Али погиб в сражении с правительственными войсками близ Ардабила в 1493 г.⁴. Но поражения только укрепляли веру народа в пришествие справедливых государей. В 1501 г. младший сын Хайдара Исмаил разбил ширваншаха и провозгласил себя шахом и «торжественно объявил о своей приверженности к вере шитов, которая до тех пор исповедывалась втайне». Так возникла новая динамичная сила в исламском мире, способная противостоять Османской Турции на протяжении трех веков. Интересно, что ее становление произошло, в том числе, под прикрытием лозунгов о священной войне против черкесов.

Венецианец Иосафат Барбаро в 1472 г. совершил путешествие из Венеции в Тану и затем из Таны в Персию. Вторая часть его книги, касающа-

я путешествия в Персию, так и осталась неизданной. Между тем, в этой части труда Барбаро содержится весьма важное свидетельство о походах сефевидских шейхов на Северный Кавказ. «Суть этого рассказа И. Барбаро, – пишет В. А. Кузнецов, – сводится к тому, что армия мусульман, «кричащих о смерти христиан согласно своей вере» от Персии пришла в Шемаху, Дербент, на Терек, вошла в Каспийские горы, где есть «многие христиане-католики» и «на греческий манер», затем повернули в Черкесию и здесь устроили погром христианам «пока люди из Тетракоссы и Кремуха не сошлись с ними в рукопашную и устроили такой грохот, как будто бы сорвалась сотня ветров». Мусульманская армия потерпела поражение и убежала «в свою страну»⁵. Кремух/Кремук уверенно отождествляется с Кемиргой/Темиргой, крупным феодальным владением в центральных районах За-

кубанья, которое контролировало значительные территории вдоль правобережья Кубани. Тетракосса, по всей видимости, одно из субэтнических подразделений адыгов либо название княжества в Черкесии. У Галонифонтибуса термины черкес-Черкесия передаются как таркас-Таркасия; у Гастальдо к северо-западу от Cremuch фигурирует Tartacosia; у Мюнстера на месте Черкесии помещена Таркуасия; есть и др. подобные примеры. Во всех этих случаях мы имеем дело с искаженными формами этнонима черкес-черкас (араб. черкас, джаркас, шаркас, арабские же саркаш, заракаш, зардкаш, джихаркас – это уже явные искажения).

Таким образом, сведения иранских источников о походах шейхов Сефевидов против черкесов, которые они предпринимали еще до захвата власти в Иране, получают подтверждение в венецианском источнике, который был знаком с ситуа-

ЧЕРКЕСИЯ И СЕФЕВИДСКИЙ ИРАН

кой инициативой Мудар сразу превратил себя в важную политическую фигуру, практически равную Шолоху Тапсарукову, получившему жалованную грамоту на княжение от русского правительства.

1 февраля 1615 г. в Терский город добрался бежавший из Мударова плена астраханский татарин, рассказавший, что около 30 персидских военных прибыли вместе с Мударом и живут в специально построенных для них избах в княжеском кабаке. Мудар похвастается союзом с шахом, с которым у него связаны большие надежды. За сыном Мудара, находившегося в Терках в аманатах, шах должен был послать своего представителя, чтобы вернуть сына к отцу. Так, по крайней мере, Мудар говорил другим князьям. Со своими кабаками Мудар переместился в Дарьяльское ущелье и «сел в щелях на грузинской дороге», и сделано это было именно для того, чтобы иметь надежную связь с персидскими гарнизонами, стоявшими в Грузии. По сути, Главный Кавказский хребет и являлся северной границей Ирана. Мудар «около кабаков своих поставил надолобы и укрепил кабаки свои все накрепко»²⁴.

В феврале 1615 г. П. П. Голвина сообщает, что князь Шолох Тапсаруков и Казый Пшеапшочков также послали к шаху Аббасу своих узденей. Доводы Мудара, видимо, оказали влияние на князей ветвей Таусултана и Кайтуко. Москва была ослаблена Смутой, а Иран находился в зените могущества.

Но связь с шахом поддерживали не только перечисленные ветви кабардинской знати, но и еще, по крайней мере, одно влиятельное семейство из числа Идаровичей. Шах Сафи (1629-1642), внук Аббаса, был женат на Увжугте (1637), дочери Сунчалая Канклычевича Черкасского. Сын Сунчалая Муцал являлся преемником отца в Терках и, фактически, решение о ее выдаче за шаха принимал он, его мать Бикэ, и его старший брат Будачей, возглавлявший их род и владения в Кабарде.

У Адама Олеария, посетившего дом княгини Бикэ (Желегоши) в Терках в 1637 г., описана красавица шахская невеста и приезд шахского посла с целью сватовства: «Между тем находившаяся позади княгини дверь отворилась и через нее в соседнем pokoj мы увидели несколько девиц, впереди которых стояла дочь княгини, невеста персидского царя, девушка лет шестнадцати, прекрасная, белая и чистая лицом, с черными волосами, распущенными кольцами»²⁵.

Увжугта, по всей видимости, не была единственной черкешенкой – женой шаха в XVII в. Эндрю Ньюман подчеркивает, что матерями двух шахов являлись черкешенки – Аббаса II (1642-1666) и Сафи II (второе тронное имя Сулейман, 1666-1694)²⁶. Мать Аббаса II звали Анна Ханум, но она вряд ли может быть отождествлена с Увжугтой, поскольку Мухаммад-мирзе (Аббасу II) на момент наследования власти было 9 лет²⁷.

В марте 1642 г. царь в числе прочих нарушений обязательств служилого русского князя и царского вассала указывает Муцалу Сунчалеевичу на весьма существенное самоуправство: общение с персидским послом, встреча его и проводы в Азов. «Шахова посла ты, — укоряет Муцала Михаил Федорович, — Муцал-мурза, в Озов х казаком (т.е. к захватившим турецкую крепость казакам — Прим. С. Х.) отпустил и проводить велел самовольством без нашего государственного указа и без воеводского ведома. Хотя б тебе шах тово посла и велел в Озов х казаком отпустить, и тебе было пригож про тово посла сказать воеводам, а самовольством было ево с Терки в Озов не отпускать, и у себя ево без воеводского ведома не держать»²⁸.

Весьма успешная деятельность Муцала в качестве служилого терского князя в 1645 г. получила царское признание в виде грамоты об утверждении его князем над нерусским населением Терского города. Попутно Муцал получил еще одну грамоту, позволявшую ему поездку ко двору шаха Аббаса II (1642-1666), сына Сафи. Муцал перед тем просил разрешить ему поездку «для ради сестришки своей», а царский кабинет решил воспользоваться родственными связями Муцала, чтобы «бити челом вам, брату нашему великому государю, шах Аббасову величеству, о своих делех»²⁹.

Как видим, черкесо-иранские политические контакты, хотя и уступали по своей интенсивности и важности отношениям с Турцией и Россией, тем не менее, оказывали определенное влияние на кавказские дела. В правление любого из иранских шахов при дворе в Тебризе можно было встретить князей и урков из Кабарды, а также, вполне возможно, из Западной Черкесии.

Нападения сефевидского отряда на Сунженское укрепление. В видах укрепления своей власти Муцал Сунчалеевич предложил царскому правительству возобновить укрепление в устье Сунжи. Идея Муцала едва не привела к масштабному русско-персидскому

конфликту. Само это фортификационное сооружение представляло из себя квадрат с общей протяженностью стен в 100 саженей. Он был задуман и сооружен с особой тщательностью, а небольшой гарнизон, вооруженный огнестрельным оружием и пушками, мог сообщаться с Терками по реке. Появление Сунженского форта означало очень существенное расширение русского военного и административного присутствия на Северном Кавказе. Скромный острожек легко мог превратиться в крупную военную базу с большим гарнизоном, значительными фортификационными сооружениями. Подобная перспектива легко читалась в Крыму и в Иране, и первыми среагировали персы через своих дагестанских вассалов и свои гарнизоны в Дербенде и Азербайджане.

Первый сигнал о готовящемся нападении Муцал получил от своих кумыкских друзей в октябре 1651 г. И в конце октября дагестанские и персидские отряды подошли к острогу. Персы мобилизовали враждующих дагестанских владельцев: Шамхала Тарковского Суркая, эндерийских князей Казаналпа с братьями и уцмья Кайтагского Амерхан-Султана. Союзники переправились через Терек и первое, что предприняли – разграбили татарских подданных Муцала. Гарнизон в Терках не вышел за крепостные стены.

Муцал со своими сыновьями Кантемиром и Каспулатом, будущим знаменитым терским князем и воеводой, и всеми своими узденями (около 500 всадников) занял выгодную в плане обороны позицию напротив Сунженского острога «на Терке-реке меж казачьих городков на перелазе». Дагестано-персидский отряд двинулся по степной стороне Терека и должен был еще раз в брод перейти реку и обрушиться на форт.

25 октября состоялся бой, в котором персы и горцы пытались опрокинуть укрепленный лагерь Муцала и перейти Терек. Войско Муцала, состоящее из узденей, казаков и татар, устояло. Затем персы и горцы двинулись, совершили сложный обходной маневр, во время которого Муцал успел от стены острога продлить земляной вал, усиливший оборонный потенциал русского войска. Но сам Муцал пока еще не собирался запирается в стенах и во главе своих узденей, конных стрельцов, казаков и татар выступил навстречу персидско-дагестанскому войску. Вид Муцалова войска, видимо, впечатлил противника, который, не решившись на еще один бой,

ретировался: «Увидя те кумыкские и кизылбашские ратные люди, без твоих государевых ратных людей, что мы идем к ним навстречу, побежали за Сунжу реку без бою»³⁰.

Но, как оказалось, шахское правительство не собиралось отступать от намеченной цели. В марте 1653 г. крупный отряд кизылбашей в 2350 человек с большими контингентами горских вассалов взял Сунженский острог в кольцо и после 4 дней осады гарнизон, сняв орудия, на стругах эвакуировался в Терки. Муцала, на сей раз, в Сунженском остроге не было.

Черкесские поселения в Иране. Смешанные грузино-черкесские поселения, а также отдельные черкесские поселения были основаны в XVII в. в провинции Фарс. Пьетро Делла Валле, посетивший эти места в 1621 г., отмечал, что равнина вокруг Асупаса была усеяна черкесскими и грузинскими поселениями. Поселения черкесов и грузин в Кашк-и-Заре и Майне были призваны, по замыслу шаха, охранять Исфahanо-Ширазскую дорогу от разбойных рейдов курдов. Сэр Томас Герберт проезжал через этот район в 1627 г.: «Следующую ночь мы провели в Асупасе; в нем и вокруг него проживает по меньшей мере сорок тысяч грузин и саркашей (черкесов), которые исповедуют христианство; они почитают святого Георгия и считают своим патроном каппадокийского епископа. От мусульман они отличаются своими серыми глазами, которые Аристотель считал важнейшим признаком темперамента, в противоположность черному цвету у большинства персов; а также длинными светлыми волосами, которые они подобно античному щеголям из описаний Плиния и Лукиана стягивают тонкими повязками из шелка, золота или серебра. И если кто-нибудь из них принимает ислам, что случается все чаще и чаще, они считают это весьма презренным. Бедные души! Узнав, что мы являемся христианами, они столпились вокруг нас и многие из них прослезались»³¹.

Позднее о кавказской колонии в Асупасе писали многие европейские путешественники: Жан-Батист Тавернье, Жан де Тевено (1665), Фрайэр (1677), сэр Роберт Кир-Портер (1818) и пр. В наши дни от некогда многочисленной грузино-черкесской колонии Асупаса осталась лишь маленькая черкеская община в Дез-и-Курде в нескольких милях к северо-западу от Асупаса. Согласно Oberlingу, посетившему Дез-и-Курд, эта община на 1957 г. состояла из 120 человек, счи-

тающих себя черкесами, но потерявшими язык и говорящими на лурийском. Их представитель, Ширзад Фирузпур являлся мэром этого городка. В конфессиональном отношении они являются шиитами³².

Примечания:

1. Цит. по: Oberling P. Georgians and Circassians in Iran // Studia Caucasica. Vol. I. Amsterdam, 1963. P. 127.
2. Бакиханов Аббас-Кули-ага. Гюлистан-и Ирам. Баку: Элм, 1991. С. 92.
3. Там же. С. 93.
4. Там же. С. 94.
5. Кузнецов В. А. Забытый Кремль // Сб. Русского исторического общества. Т. IV (152). М., 2002. С. 207.
6. Бакиханов Аббас-Кули-ага. Гюлистан-и Ирам. С. 98-99.
7. Там же. С. 238.
8. Там же. С. 103.
9. Allen W. E. D. A History of Georgian People. N.-Y., 1973. P. 381.
10. Brosset M.-F. Histoire de la Georgie. Vol. II. P. 35.
11. Allen W. E. D. A History..., p. 152.
12. Hammer Joseph. Histoire de l'Empire Ottoman. Depuis son origine jusqu'a nos jours. Vol. VII. P. 72.
13. Allen W. E. D. A History..., p. 382.
14. Бакиханов Аббас-Кули-ага. Гюлистан-и Ирам. С. 118.
15. Newman A. J. Safavid Iran. Rebirth of a Persian Empire. L., N.-Y., 2006. P. 52.
16. Ibidem.
17. Джанашивили М. Г. Известия грузинских летописцев и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Вып. 22. Тифлис, 1897. С. 56.
18. Oberling P. Georgians and Circassians in Iran, p. 128.
19. Ватейшвили Д. Л. Грузия и европейские страны. Т. I. Кн. 2. М., 2003. С. 20.
20. Там же. С. 471.
21. Там же. С. 50.
22. КРО. С.400; Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа... С. 273.
23. КРО. С. 88.
24. Там же.
25. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно // Северный Кавказ в европейской литературе XIII-XVIII веков. Нальчик, 2006. С. 64, 66.
26. Newman A. J. Safavid Iran..., p. 55.
27. Ibid., p. 81.
28. КРО. С. 210.
29. Там же. С. 417.
30. Там же. С. 305.
31. Цит. по: Oberling P. Georgians and Circassians in Iran, p.140.
32. Ibid., pp. 141-142.

Самир ХОТКО.